

К ВОПРОСУ О ХРОНОТОПЕ «КАЗАНСКОЙ ИСТОРИИ»

Н. Н. Бедина

«Казанская история» (1564–1565) — одно из программных произведений Московского царства эпохи Ивана IV Грозного. Это беллетризованный рассказ о трёхсотлетней истории русско-ордынских отношений от Батыева нашествия 1237 г. до завоевания Казанского царства («осколка» Золотой Орды) в 1552 г., автор которого довольно свободно обращается с многочисленными историческими источниками, нередко искажая исторические факты и переплетая их с художественным вымыслом¹. Основная художественная идея повести — победа над Казанью как закономерный итог многовековой борьбы Руси с жестокими захватчиками (Золотой Ордой и Казанским царством) — проявляется и на уровне хронотопа. Под хронотопом мы, вслед за М. М. Бахтиным, понимаем «слияние пространственных и временных примет в осмысленном и конкретном целом»². Опираясь на академическое издание текста «Казанской истории»³, мы обращаемся к древнейшей редакции повести, включающей в себя полный текст глав, посвящённых победоносному походу 1552 года, и финальную похвалу Ивану Грозному.

В основе пространственно-временных отношений в художественном мире «Казанской истории» лежит идея «возрастания». Московская Русь, так же как и её идеальный герой — царь Иван Васильевич, — проходит становление от младенчества к зрелости и совершенству. Рисуя картину освобождённой Руси от ига Золотой Орды, автор повести включает в свой текст молитвенное обращение: «Ей же, Премудрый Царю Христе, даждь расти, яко младенцу, и величатися, и расширятся, и всюде пребывати в муже совершенно, и до славнаго Твоего втораго пришествия, и до скончания века сего». А затем и Казань, обновлённая крещением, уподобляется младенцу, которому ещё предстоит пройти путь совершенствования: «И воцарися Господь посреде тебе, и той сохранит тя ... и заступит тя от враг твоих, яко новорожденнаго младенца, и мир Божий на тебе до века временных пребудет!» Образ духовного возрастания, движения вверх постоянно поддерживается эпическими картинами градостроительства (Владимир после Батыева разорения, освобождённая от золотоордынского ига преславная Москва, затем преображённая Иваном Васильевичем предивная Казань, в которой, по велению царя, не только воздвигли новые православные храмы и монастырь св. Николая, но и увеличили старую крепостную стену и расширили каменный город).

В то же время духовному возрастанию самого московского царя соответствует его пространственно-географическое движение вниз: Волжская Болгария, р. Кама и сама Казань в системе географических координат «Казанской истории» изначально определена автором как «низ». Не случайно и в известных миниатюрах одного из списков повести (БАН, Рук. собр., 34.6.64. XVII в.) Казань помещается в нижнем поле листа, причём движение к ней русских войск, возглавляемых царём

Иваном Васильевичем, передаётся с помощью дублирования изображения: войско сверху — ещё недалеко от Москвы, такое же войско внизу — уже под Казанью.

Чудесное пророчество о падении Казанского царства («страшный» сон казанского царя в первую же ночь после прихода русских войск под стены Казани) воплощено не только в традиционной символической картине победы света над тьмою, но и выстроено в системе пространственных координат «выше, больше — ниже, меньше»: «Яко взыде с востока месяц мал и темен... Другий же месяц, аки от запада взыде, зело пресветел и велик велми, ста выше темного месяца». Месяц с запада (символ Московского православного царства) не только стал выше, но и поглотил, принял в себя тёмный месяц с востока (символ Казани), а после повис над городом, и ещё больше вырос (!), и ярче прежнего засиял «неизреченным светом, аки солнце».

Положение Казани автор повести подчёркивает и в описании «чудесной засухи», которая позволила русскому войску пройти по обычно непроходимым болотистым, низким местам, окружающим город. В данном случае автор игнорирует исторические свидетельства о дождливости лета 1552 г. и заимствует «чудо» из летописного повествования о новгородском походе Ивана III⁴. Конечно, основной художественной задачей этого фрагмента является утверждение справедливости похода и идеи божественного покровительства русскому войску, а не определение «низового» месторасположения Казани, однако данный вставной эпизод полностью соответствует общей организации художественного пространства «Казанской истории».

«Низовое» положение Казани имеет как реальное воплощение (Казань по отношению к Московской Руси лежит в нижнем течении Волги), так и сакрально-мифологическое. Вводя в своё повествование легендарный сюжет об основании Казани на месте гнезда мифического двухголового змея («... живяху же ту, въ гнезде, всякие змии и единъ змий, великъ и страшень, о двою главах: едину главу змиеву, а другую волову...»), автор затем с удивительным постоянством подчёркивает в образах казанских царей и всех жителей Казани змеиные черты, в которых символически воплощены нравственная низость, жестокость и духовная слепота врагов Святой Руси: образ змея как воплощения дьявольской силы здесь органично вписывается в общую христианскую традицию. Важно отметить, что даже благородный царь Улус-Ахмет (Улу-Мухаммед), оклеветанный, страдающий от несправедливого обвинения в измене и не по собственной воле, но всё же выступающий против Московского князя, «поскрежета зубы своими, яко дикий вепрь, и грозно возвиста, яко страшный змий великий, ожесточися сердцемъ своимъ ... и яко змий, страшно огнемъ дыша от великия горести противъ многихъ воеводъ великаго князя напусти с немногими своими вои».

«Змеиное», «аспидово рождение» казанцев, противостоящих воле Ивана Васильевича Грозного во время похода 1552 года, проявляется не только в слепой гордыне и злобе воинов, отказывающихся мирно подчиниться русскому царю, но и в стремлении стариков и жён Казани спрятаться от пушечного обстрела «по норам земным». Знаменитый подкоп под стены Казани, определивший исход противосто-

стояния двух царств, также включён в эту систему координат: русские воины спускаются в «предельное», подземное пространство, с которым неизменно связан образ змея.

Аллегорическое «сошествие во ад» и победа над мусульманской, змееподобной Казанью осмысливаются здесь, возможно, как символическое подражание крестному подвигу Христа. Этим определяются, на наш взгляд, евангельские и календарно-литургические мотивы в тексте повести. Повествование об истории русско-казанского противостояния до похода Ивана Грозного в 1552 г. включает типологические сопоставления между событиями национальной истории и Рождеством Христовым: «вифлиемский плач» поднимается над русской Казанью в 1505 г. при Махмет-Амине (Мухаммед-Эмине), который впоследствии «житие свое скончавъ, живъ червми снадень бысть, яко детоубийца Ирод»; при Иване Грозном (в 1550 г.), подобно евангельским волхвам, пророчествовавшим о пришествии Христа, казанские волхвы предсказывают приход Руси: «...приближается конецъ нашему житию, и вера христианская будетъ зде, и Русь имат в борзе царство наше взяти». Повествование же о центральном событии повести — походе на Казань 1552 года — наполнено уже великопостными и пасхальными мотивами.

Описание победоносного взрыва крепостной стены Казани: «...возгреме земля, яко велий громъ, и потрясется место то все, идеже стояше град, и позыбахуся стены градные...» — напоминает евангельское повествование о трясении земли и разрушении камней, сопровождавших крестную смерть Христа. Наряду с другими знамениями, они одновременно утверждают истинность Богочеловеческой природы Иисуса Христа и предвещают Его победу над смертью (ср. толкования св. Феофилакта Болгарского, известные на Руси с XI в.: «Стихии тогда поколебались как во свидетельство того, что страждущий есть Творец, так и в знак того, что наступает изменение в делах, ибо в Писании землетрясение указывает обыкновенно на изменение в делах... Тогда и камни, то есть каменные сердца язычников, расторглись и приняли семя истины, слова Христова, и умерщвленные грехами восстали и вошли во святой град, в вышний Иерусалим...»⁵). Не случайно взрыв происходит одновременно с последними словами Евангельского чтения на литургии, совершаемой в стане Ивана Грозного: «*И будет едино стадо и Един Пастырь*» (Ин. 10: 16). Притча о Пастыре добром, с которой Христос обращается к апостолам, прежде всего, есть утверждение победы истинной веры и спасения. В художественном пространстве «Казанской истории» с ней сопряжено нисхождение русских воинов под землю и взрыв Казанской крепости. Важно отметить, что нехарактерное для русской воинской традиции видение апостолов перед решающей битвой, а также отнесение победы к 3-му часу вновь обращают нас к евангельскому повествованию. Несмотря на то что автор «Казанской истории» не раз подчёркивает продолжительность осады Казани и решающего сражения («И бысть сеча та велика от утра, перваго часа дни, и до десятаго»), в финале он «датирует» победу и взятие Казани «октября во 2-й день, в день недельный (т. е. воскресный), в 3 часа дни», — т. е. 3-м часом, который в православной литургической традиции посвящён сошествию Св. Духа на апостолов уже после Воскресения и Вознесения Христова.

Пасхальные, весенние мотивы вообще характерны для поэтики «Казанской истории», особенно в похвально-панегирических её главах (Похвала Москве, похвала Новой Казани, похвала Ивану Васильевичу). Это вписывает повесть в общую христианскую гимнографическую традицию, посвящённую свв. воинам, воинам-змееборцам, прежде всего св. Георгию Победоносцу, служба которому объединяет две ведущие темы — Воскресения и победы над дьяволом: «Приидите мучениколюбцы, песненное пение восставшему из гроба Христу принесемъ: днесь бо весна разумная возсия намъ, подающи цветы словесныя, всемирная память Георгия, мудраго великомученика» (на вечери); «Се возсия Благодати весна, облиста Христово воскресение всемъ: и съ Нимъ совозсияваетъ ныне Георгия мученика всепразднственный и светоносный день...» (на утрени)⁶. Те же мотивы звучат и в «Казанской истории».

Общеизвестно значение образа св. Георгия Победоносца и воинов-змееборцев в идеологической системе Московского Царства⁷. Понятно, почему, наряду с традиционными храмопосвящениями Благовещению, Спасу Нерукотворному, святым, в чей день была взята Казань (свв. Киприану и Устине), в возрождающейся Казани строятся церкви в честь Воскресения Господня, в честь свв. Бориса и Глеба и в честь русского князя-змееборца Петра и его жены Февронии. «Казанская история» рисует образ царя Ивана Васильевича — царя-змееборца, чей подвиг совершается не только в подражание свв. воинам, но и в подражание земному пути Иисуса Христа от Рождества до Вознесения.

Безусловно, «Казанская история» в этом отношении не является чем-то исключительным, и поэтика повести оформляется в общем контексте культуры эпохи Ивана Грозного, о чём свидетельствует и знамя русских войск во время похода 1552 года: на нём рядом с изображением Спаса Нерукотворного расположены восьмиконечные звёзды и кресты (символы Рождества и Пасхи, победы над смертью и утверждения истины).

Однако исключительность «Казанской истории», на наш взгляд, состоит в зрительно-пространственном художественном воплощении подвига — в сочетании духовно-символического движения, возрастания вверх и сакрально-географического движения вниз. Только после крещения покорённой Казани направления внешнего и внутреннего движения совпадают — автор повести создаёт близкий фольклорному образ совершенного царя, в царстве которого «возсияла тихая весна истины».

Потенциальная возможность духовного преображения самой Казани в будущем определена автором ещё в повествовании о месте и времени основания города. Мифический образ двухголового змея, сочетающего черты змея («низ») и вола (оленья, козла — «верх»), с одной стороны, может быть неосознанным отражением архаического мифа о сакральном браке змеи и оленя (земли и неба)⁸, но, с другой стороны, может быть осмыслен и как знак будущего возрождения, духовного возвышения «предивной» Казани.

¹ Волкова Т. Ф. Работа автора «Казанской истории» над сюжетом повествования об осаде и взятии Казани // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 39. С. 308–322.

² *Бахтин М. М.* Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975. С. 235.

³ Казанская история // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 2004. Т. 10. XVI век. С. 252–509.

⁴ *Волкова Т. Ф.* Работа автора «Казанской истории» ... С. 313.

⁵ Благовестник или Толкование блж. Феофилакта Болгарского на святое Евангелие: в 4 кн. М., 2004. Кн. 1. Толкование на Евангелие от Матфея. С. 382–383.

⁶ Миняя. Месяц апрель. Моск. син. типография, 1904. С. 93, 96.

⁷ *Плюханова М.* Сюжеты и символы Московского Царства. СПб.: Акрополь, 1995.

⁸ *Юрченко А. Г.* Александрийский «Физиолог». Зоологическая мистерия. СПб.: Евразия, 2001. С. 125–158.